

КОНСТАНТИНСКАЯ

ПРАВДА

Кобзарь целины

Александр Тараков

Когда мне сообщили, что в Астане находится Федор Моргун, первой в цепи ассоциаций возникла зелено-серая суперобложка его знаменитых "Дум о целине". Книге этой с давних пор отведено почетное место в отцовской библиотеке, посему не раз держал ее в руках, перелистывал, вчитывался в отдельные главы.

Первоцелинник, организатор зернового производства в северных областях Казахстана, моторный сподвижник академика А. И. Бараева в пропаганде и внедрении противоэрозийной почвозащитной системы, в дальнейшем - бессменный первый секретарь Полтавского обкома, кажется, обладатель союзного "рекорда" продолжительности руководства областью... - таким схематично предстал в моей памяти этот самобытный и прежде весьма популярный человек.

Среди номенклатуры "стратегического назначения" он выделялся неколебимостью убеждений и готовностью отстаивать свою позицию до конца, невзирая на лица и обстоятельства. "Твердокаменность" характера, идущая, должно быть, от "самостийности" пращуров-сечевиков, не раз могла обернуться медвежьей услугой. Но "казака-рубаку" спасительно уравнивал "крестьянин-пахарь" (с екатерининских времен вторая ипостась воинственного рода), основательный, крепкий хозяин, добивавшийся (точнее - добивающийся: Федор Трофимович и в почтенные 79 лет активно включен в жизнь, в казахстанскую столицу, например, прибыл "пошукать" хлеба для Украины) успеха в любом деле. Так было, когда молодой директор совхоза выступил вразрез с пленумом обкома... и не вылетел с должности. И так было, когда умудренный опытом партийно-административного бытия министр пошел в одиночку против Совмина и лишился портфеля, но "джинна сомнения" выпустил, и впоследствии его точка зрения все-таки возобладала. И вообще Моргун - знаковая, если не роковая, фигура самой истории, ведь в его биографии пролег судьбоносной "межой" эпохальный эпизод, который, возможно, отразился и на нашей с вами участи. По жизни "отказник" (об этой линии поведения - позднее), он, находясь в

расцвете сил, не принял приглашение на политический олимп. В итоге одну из ключевых "вершин" ЦК и Политбюро занял Михаил Горбачев, кандидатура которого первоначально в "обойме" не значилась.

С открытым забралом

Москва, говорят, не сразу строилась. Это я к тому, что наш герой на всесоюзную "орбиту" вышел не вдруг, не сразу. "Путевку" в верхний "эшелон" выдала ему целина. Которой отдал, если считать формально, по времени пребывания, 11 лет и которая с 54-го не "отпускает" ни на один день. Ведь многие думы и книги - о ней и о хлебе, а любимую "безотвалку", давным-давно разработанную и им обкатанную в Казахстане, шесть лет кряду, включая 2001-й, по просьбе губернатора Евгения Савченко внедрил на Белгородчине. То-то потряхнул стариной!

...Но вообще-то на целину Моргун "загремел". Недолюбливавший партийную "составляющую" руководящей работы, он дважды отказывался от выдвижения "на район". Ради того, чтобы не "дожали", даже киевские и московские связи подключал. Невдомек было начинающему хозяйственнику, как можно, не доведя до ума одно дело, браться за другое.

Наконец полтавскому начальству его упорство надоело, и бунтарь был направлен на целину - распахивать казахстанские степи и на голом месте создавать зерносовхоз. Любопытно, что это решение строптивый директор не опротестовал, воспринял как должное.

И вот, получив родительское благословение, с нехитрым скарбом в багаже и яблоневым колышком из украинского сада в морозную зиму 1954 года Федор Трофимович приехал на целину. С этого колышка начался отсчет истории совхоза "Толбухинский".

Свой первый приказ он написал 4 декабря. Дескать, я такой-то новоиспеченный директор приступаю к своим обязанностям. "Первые впечатления? Несколько жутковато было. Нас окружала бескрайняя заснеженная степь. Ни бороздки, ни хатенки. Палатки и вагончики. Ковыль, волки да целинники... Но уже первой весной

счет пошел на тысячи гектаров".

А в начале лета случился инцидент, едва не стоивший Моргуну карьеры. Вот что он об этом рассказывает сам:

- Повестка пленума Кокчетавского обкома партии включала лишь один вопрос - о быстрейшем подъеме целины и дополнительной распашке земель. Докладчик подчеркнул, что доведенный до хозяйств план является заниженным, и обнародовал дополнительное задание.

Цифры точно не помню, но фигурировали сотни тысяч гектаров. В том числе "Толбухинскому" дополнительно к ранее утвержденным 18 тысячам добавлялось 10 тысяч. Голова пошла кругом от такого известия: а где же земля, пригодная под хлеб?! Но уже на трибуне первый секретарь обкома, который требует обсуждать доклад "без увертюры", точно сообщая, к какому сроку будут вспаханы дополнительные площади.

В ответ звучат бодрые рапорты-"авансы", а я сижу, гадая, как земельки "настричь", и ничего-то у меня утешительного не складывается. Ан черед доходит и до моей записки - вызывают на трибуну.

Встал на "лобном месте", обвел взглядом зал и как на духу говорю, что не могу начать свое выступление "без увертюры", поскольку у меня нет оснований заявить о встречном плане.

- Это почему же? - резко перебивает первый.

Отвечаю: для того чтобы освоить 28 тысяч гектаров на отведенной совхозу территории, мы должны вспахать бесплодные солонцы, малопродуктивные песчаные земли, вплотную обпахать центральную усадьбу и все озера. В итоге останемся без воды, на солонцах будет хлеб низкой урожайности, но очень дорогой, а перепаханые мягкие земли станут добычей ветровой эрозии. Мы не должны допускать непродуманной спешки в таком серьезном деле, как освоение новых площадей на огромной территории малоизученных земель. Мы также не можем не учитывать

печальный опыт массового освоения прерий в США и Канаде.

Надо же было для красного словца еще и притчу ввернуть!.. Ее во время учебы в Днепропетровском СХИ я слышал из уст профессора Николая Емельяновича Бекаревича: "Буря рвала и метала землю. Тучи пыли, поднятые с полей в воздух, закрыли солнце. Фермер Джо, понуря голову, направился к соседу Смиуту. Тот сидел на пороге своей хижины и угрюмо смотрел в небо. "Что ты увидел там хорошего?" - спросил Джо. "Считаю, сколько тысяч фермеров разорила эта пыльная буря", - невесело ответил Смит.

Что тут началось! Меня с позором изгнали с трибуны. В заключительном слове первый секретарь обвинил в антипартийной линии и сказал, как выстегал: "Антипартийным духом прет от вредного выступления Моргуна".

Выходя из зала, подумал, что теперь поездка за детьми, а они пока оставались у моих родителей на Полтавщине, вряд ли состоится. На манер несчастного фермера Джо понуро побрел в трест совхозов - испросить совета у Евгения Сергеевича Смирнова.

Тот в кабинет вернулся аж за полночь. Оказывается, из-за бюро обкома, то бишь из-за моего демарша.

- Дурья башка! - с укором сказал Смирнов. - Рогинец предлагал вызвать тебя на бюро, обсудить и снять с работы. Благодаря Сергею Абрамовичу (С.А. Иванов был вторым секретарем обкома. - Авт.) ты уцелел. Он за тебя вступился, сказал, что ты человек молодой, погорячился - вот и наговорил глупостей, но пашешь и строишь лучше других.

Несколько погодя Смирнов подошел к карте области, нашел местоположение "Толбухинского" и подозвал меня.

- Вот здесь паши, - сказал он, ткнув пальцем неподалеку от кружочка, обозначающего соседний с нами колхоз.

Позднее Федор Трофимович узнал, что на том бюро Смирнов за него тоже слово замолвил. И немного времени спустя опальный

директор даже пошел в рост - возглавил целинный район.

Казалось бы, работай да радуйся, но, увы, к концу пятидесятых начали сбываться, причем в худшем виде, те мрачные пророчества, которые Моргун произнес с трибуны пленума. Бичом казахстанского севера сделались пыльные бури, выводившие из оборота сотни тысяч гектаров пашни, затормозившие строительство и благоустройство новых совхозов. Многие починопочитатели в буквальном смысле теряли почву под ногами, подобно незадачливому первопроходцу Джо впадая в депрессию.

Нашему же "буревестнику" хандрить было некогда. Его, очевидно, как знатока американо-канадского "целинного синдрома", кинули в самое горячее место - потерявшую половину зерновых площадей Павлодарскую область.

Яков Геринг, с полей которого сначала "улетучилась" почва, а потом и урожай, со слезами на глазах молил о снятии с работы. Но Моргун оставил его в председателях, пообещав помочь.

И помощь, показали события, последовала. Реальная и эффективная. Иначе Геринг не стал бы героем труда и знаменитым на всю республику хозяйственником. Сразу по достоинству оценив идеи Бараева, Федор Трофимович не медля принялся внедрять новую систему земледелия. И к делу перевооружения села подключил павлодарские заводы.

- Я всех убеждал решительно отказаться от глубокой плужной вспашки отвальными орудиями и обрабатывать почву плоскорезами и широкозахватными культиваторами, как это делают канадцы и рекомендует Александр Иванович Бараев.

Более того, плуг он называл динозавром пахоты, публично желал ему скорейшей "кончины".

Новый руководитель Целинного крайкома Федор Коломиец поверил энергичному второму секретарю обкома и для изучения канадского опыта земледелия командировал его с группой специалистов в эту страну.

- Весь август 1963 года наша делегация изучала бесплужную обработку и приемы борьбы с эрозией почв. Мы посетили десятки ферм, научно-исследовательских учреждений, фирмы, производившие плоскорезы и другие орудия поверхностной обработки. Канадцы искренне нам помогали, во всем содействовали, снабдили фотографиями, буклетами. Возможно, сказалоь то, что первыми орудия нового типа в прериях начали использовать переселенцы из России и Украины.

И вскоре об увиденном в Канаде Федор Моргун докладывал Леониду Брежневу, тогда - второму секретарю ЦК КПСС. Доклад занял более двух часов: Брежнев не прерывал. А когда узнал, что в ВАСХНИЛ Бараевым и его единомышленниками для условий Целинного края разработана специальная агротехника, тут же, в ходе беседы позвонив А. Косыгину и в Генплан, дал четкие поручения. В результате до ряда крупных заводов сельхозмашиностроения было доведено срочное задание наладить выпуск плоскорезов, сеялок-культиваторов, глубокорыхлителей. И начиная с 1965 года целинные совхозы стали получать эти орудия в большом количестве. Как следствие, поднялись и стабилизировались урожаи, на больших площадях была приостановлена ветровая эрозия.

Еще такой существенный фактор: у академика Бараева появился пробивной союзник-внедонец - 1-й зампред крайисполкома и начальник краевого управления сельского хозяйства Федор Моргун. Это означало, что передовые разработки и новая техника во всех пяти относившихся к краю областях вводились в практику работы. При этом впередсмотрящие директора поощрялись денежными премиями в размере оклада.

Только этого для безоговорочной победы было мало. Косность сильна и необыкновенно живуча. Особенно в науке. Вдвойне ужасно, если наука подвержена такому пороку, как лысенковщина, то есть нещадное шельмование инакомыслия. Случилось так, что светила "от плуга" взбунтовались и принялись дискредитировать Александра Бараева. А главный инициатор освоения целины на востоке страны Н. С. Хрущев к мнению "старой когорты"

прислушивался и все более настраивался против шортандинского "высочки".

И в очередной свой приезд во Всесоюзный институт зернового хозяйства остался весьма недоволен призывом Александра Ивановича к массовому переходу на безотвальную технологию, введению в структуру посевных площадей 25-30 процентов чистых паров и использованию в севообороте многолетних трав.

На состоявшемся затем бюро крайкома (без участия срочно улетевшего Хрущева) Ф. Коломиец сообщил, что велено немедленно "сделать оргвыводы по Бараеву".

В зале воцарилась тишина. Которую нарушил неговорчивый Моргун, заявив: "Я категорически не согласен с предложением о снятии Бараева с работы. Приняв такое решение, мы закроем дверь перед бесплужной обработкой почвы. Никита Сергеевич дезориентирован, он многого не знает. Федор Степанович, Владимир Владимирович (председатель крайисполкома В. В. Мацкевич. - Авт.)! Доложите Хрущеву, что ученые и специалисты-целинники убеждаются в правоте Бараева и попросите изменить решение".

Тишина после этих слов сделалась гробовой. Не согласиться с самим Хрущевым?! Мыслимо ли такое? Коломиец с трудом вымолвил:

- Заседание бюро объявляю закрытым.

Дальше между ним и возмутителем спокойствия состоялся разговор с глазу на глаз. Цитирую его по книге Ф. Моргуна:

"Он буквально распластался на столе, как раненый зверь, поднял на меня глаза и спрашивает:

- Федор, что делать?

- Ничего не делать, Федор Степанович! Неправого дела делать нельзя.

- Но мне приказано завтра доложить в Москву, в ЦК.

- А вы и доложите о решении бюро крайкома, но не в ЦК, а лично Никите Сергеевичу. Уверен, он вас поймет и согласится. Ведь не дело лидера партии и государства снимать директоров институтов во время поездок по стране.

Я успокаивал хозяина кабинета как мог и это удалось. И теперь, по прошествии многих лет, я хочу подчеркнуть: Ф. С. Коломиец поступил мужественно и принципиально. Ведь он получил команду о снятии Бараева и по неписаному закону обязан был ее выполнить, иначе полетела бы его голова. Он пошел на колоссальный риск и защитил доброе имя ученого".

Но и сам поборник справедливости не дрейфил перед "сменщиком" Сталина. Еще за несколько лет до вышеописанного эпизода посмел лично возразить Никите Сергеевичу на республиканском совещании. Будучи всего-то секретарем райкома. "Зацепкой" послужила прозвучавшая в докладе генсека резкая критика Бараева и впервые - кумира Моргуна Терентия Мальцева.

Сказав, что целиком и полностью поддерживает требование ноябрьского пленума ЦК КПСС по улучшению дел в сельском хозяйстве, Ф. Моргун тут же подчеркнул свое несогласие со стилем и методами партийной работы:

- Я не так давно был директором совхоза. Люблю село и знаю, что должен как можно чаще бывать в трудовых коллективах. Но, к сожалению, я не могу этого себе позволить. Вот уже три месяца после ноябрьского пленума я не был ни в одной партийной организации, ни в одном совхозе. Все это время я ездил - на пленумы в Алма-Ату, Целиноград, Кокчетав, провел районный, затем побывал на сессиях краевого, областного, районного советов депутатов. Вместо конкретной работы мы занимаемся тем, что ездим на все эти заседания и совещания и обсуждаем один и тот же вопрос, толчем воду в ступе, находимся в отрыве от людей...

- Уважаю себя за то, что высказал тогда твердую поддержку

позиции Бараева и Мальцева, - не без удовлетворения вспоминает об этом своем поступке Федор Трофимович. - Обратясь к Хрущеву, я попросил его понять нас - согласиться с тем, что на современном этапе ведения земледелия в сухих целинных степях, без значительного парового клина, немыслимо говорить о хорошем урожае и вообще об отдаче целины. Затем подверг критике тех ученых Алтайского края и Сибири, которых Никита Сергеевич ставил нам в пример, после чего изложил несколько просьб и предложений.

Дальше не по магнитной записи - по писаному:

"В перерыве многие меня "не узнавали" или обходили стороной, ожидая реакции Хрущева на крамольную речь. Обывательский испуг? Нет, к сожалению, это было обычное аппаратное поведение.

Длинным показался мне тот день. Но вот объявили о предоставлении заключительного слова Н. С. Хрущеву.

Он коснулся и моего выступления. Зал замер в ожидании разгрома Моргуна, но вскоре взорвался аплодисментами - когда Хрущев, поддержав позицию за позицией, одобрил мою критику и похвалил за принципиальность.

- "Чистые пары"? Так разрешайте своим ученым и специалистам их иметь столько, сколько считаете необходимым... Да, товарищ Моргун, во время перерыва я позвонил в Москву, рассказал Косыгину о волнующих вас, целинников, вопросах и попросил выделить из военного резерва легковые автомобили для специалистов совхозов и колхозов.

Это так среагировал генсек на мое сообщение о том, что большинство специалистов не имеют легковых автомобилей, но и пешком не ходят, ибо при наших расстояниях это абсурд, - и они вынуждены использовать грузовые автомобили и бензовозы не по назначению.

Сразу же после совещания те из моих знакомых, которые во время перерыва вдруг стали "не узнавать" или обходить меня стороной,

проявили знаки особого уважения. Так бывает. И меня постоянно мучило наличие в нашем обществе этого страшного рудимента сталинской, а может, и более ранней эпохи: оценивать человека не по уму и делу, а по мнению вышестоящего руководителя. А ведь это раздвоение нравственности, человеческой личности, общества, наконец! Как много мы из-за этого потеряли!.."

Так что Моргун имел право давать советы Коломийцу и бюро крайкома, ибо сам защищал целину с "открытым забралом".

Не хлебом единым

- Федор Трофимович, вполне можно сказать, что параллельно наполненному борьбой пути агрария-новатора идет через вашу судьбу писательский "шлях". Как так получилось, что прагматик-производственник стал заядлым "книжником"?

- Я не из тех, кто, помимо профессионального мирка, ничего не хочет знать и видеть. Литературу обожаю с детства. Математикой, физикой и химией, каюсь, пренебрегал. На уроках по этим предметам, бывало, зачитывался Джеком Лондоном, Жюль Верном, Гоголем, Толстым, Вальтером Скоттом. Лермонтова, Пушкина прилично и сейчас помню, поэму Рылеева "Войнаровский", уверен, прочту назубок, половина произведений Кобзаря свежа в памяти и много еще чего.

Ну и кой-какие способности "по наследству" достались. Отец, например, был златоустом, а безграмотная тетя Мария бездну информации хранила в памяти и невероятное число поэтических строк, к тому же слыла лучшей по округе рассказчицей.

Но по-настоящему, как вы говорите, книжником сделала меня, конечно же, целина.

- Вот об этом давайте расскажем подробнее, ведь не с бухты-баракты возникли публицистические "Думы о целине", хроникальные "Будни целинного совхоза", написанная с гражданской позиции книга "Хлеб и люди"...

- Начало всему, пожалуй, положила статья в областной газете. Приехав на целину, я восхищался обилием зверья и птицы. Почти на каждом километре пути из травы вспархивали стайки куропаток, в пору весенних разливов в лужах плескались утки и лебеди. Красотища!

Но прошло совсем немного времени - и куда все подевалось? Понятно, куда - целинники повыбили. Бывало, отмахнешь до областного центра двести верст - ни куропатки, ни зайчишки не спугнешь. Раздосадованный, засел я однажды за стол и написал, что по этому поводу думаю.

Надо же, на статью обратили внимание. Первый секретарь обкома, когда я был в городе, пригласил. А тогда Кокчетавской областью руководил Алексей Ефимович Клещев, Герой Советского Союза, белорус, в войну - командующий партизанской бригадой, секретарь подпольного обкома партии.

Умница-человек, показывает он мне газету с моей публикацией и говорит:

- Спасибо тебе, Федор, за эту статью. И вот тебе мой партийный наказ: заведи дневник и фиксируй все, что ты видишь, слышишь, что тебя окружает на целине. Поверь, ни один писатель потом не сможет сделать то, что сделаешь ты. Потому что ты - здесь, ты нутром все это переживешь и прочувствуешь.

И я честно и дисциплинированно выполнял этот мудрый наказ - аккуратно вел дневник, старался не упустить из виду ни одного мало-мальски примечательного события. Вплоть до того, что копии документов "заготавливал".

- И потом, как видно, все это пригодилось.

- Писать, честно говоря, особо некогда было, ведь сельские будни заполнены от зари до зари. Я за 11 лет работы на целине только один раз в отпуск съездил.

Затем в моей судьбе была Москва. Когда не стало Целинного края,

секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Федор Давыдович Кулаков забрал меня в сельхозотдел заведующим сектором Сибири.

- То есть курировать вам приходилось соседние с казахстанской целиной регионы?

- Да, от Омска до Читы. И занимался я тем же, чем и на целине, - внедрял "безотвалку".

Так вот, внедряю и слышу со всех сторон: "Целина - чепуха! Целина - ошибка!". Даже в сельхозотделе. Не от Кулакова, а от таких сотрудников, как я. Они в Казахстане никогда не были, не представляют, какая прорва работы там проделана, однако судят. В марте 1966 года идет съезд комсомола. Ни в докладе секретаря ЦК ВЛКСМ, ни в одном выступлении не звучит слово "целина" или "целинник". Это меня крайне удручило.

- Чем же была вызвана такая перемена в отношении?

- Причина банальная - смещение Хрущева. Как у нас водится, все, что было связано с его именем, тут же дружно принялись охаивать. Ладно, перегибы были, но целина при чем? Распашка ее и для Казахстана, и для страны в целом явилась великим благом. Я кипел, негодовал. Так и взялся за перо - решил всем рассказать, что есть на самом деле целина.

Главное, и время для такой работы у меня появилось. Выходные. Раньше не знал, что это такое. Праздники.

На все четыре года столичной жизни "приковал" себя к столу. За это время ни разу не побывал в театре, в кино, на футболе, а я обожаю футбол, особенно в исполнении киевского "Динамо"!.. Так появились "Думы о целине", "Хлеб и люди", а потом и другие книжки. И по сию пору остаюсь горячим ее заступником. Каждый день она и люди, с которыми там работал, перед глазами. Байкен Ашимович Ашимов, Баян Жангалович Жангалов, Клещев, Смирнов... Десятки, сотни замечательных, милых сердцу людей. Это же самая плодотворная пора моей жизни, я тогда был молодым!

О Черненко, Горбачеве и других

- Федор Трофимович, пора бы о звездном "часе" жизни рассказать. О том, как в 1978 году вас "сватали" в Политбюро, а вы заартачились.

- Было дело. Но сначала нужно рассказать о загадочной смерти Кулакова, секретаря ЦК КПСС. Это был могучий, мудрый, порядочный человек. Лидер, на которого мы совершенно обоснованно делали ставку, полагая, что займет пост генерального секретаря после Брежнева.

Но к концу семидесятых над ним стали сгущаться тучи. В один из приездов в Москву на правах доброго знакомого зашел к Федору Давыдовичу. Не мог не сказать о том, что меня тревожило: "Федор Давыдович, я последние месяцы регулярно слушаю зарубежные радиоголоса. И все они изо дня в день твердят, что Брежнев тяжело болен и на его место готовится Федор Давыдович Кулаков. Не знаю, как вам сказать, но я страшно боюсь этих провокаций".

Он сидел молча. Поднялся, подошел ко мне, обнял и тихо, на ухо сказал: "Федя, я этого тоже очень боюсь".

Уверен, компрометация шла не без участия провокаторов с нашей стороны.

- Это была ваша последняя встреча?

- Увы, через несколько дней Федора Давыдовича не стало. По официальной версии, он скончался вследствие болезни.

Щербицкий, зная, что между нами были товарищеские отношения, на похороны меня почему-то не отпустил.

Но все равно вскоре я был в Москве. Как сейчас, вижу перед собой плачущего Колю, нашего общего и душевного друга Федора Давыдовича, от которого у покойного не было никаких секретов. Фамилию называть не буду, ведь не могу ручаться за достоверность

его информации и тем ронять тень на определенные круги... Так вот, Коля, рыдая, мне сказал: "Федя, его убили! Я первым оказался у тела и понял это. Жена Федора Давыдовича сначала позвонила мне..."

Склонен думать, что Коля сказал правду. Потому что вскоре он стал невменяемым, лишился памяти и уже ни для кого никакой угрозы не представлял.

- Превратности судьбы!.. Пост, который занимал покойный Кулаков, предложили вам...

- Именно так. Щербицкий сказал, что Брежнев за мою кандидатуру, вопрос фактически решен, предстоящий пленум - формальность.

- И в такой ситуации вы посмели отказаться?! Что-то надломилось после смерти товарища?

- Не исключаю. Но больше пугало другое. Я в области внедрял "безотвалку", перестраивал деревни, прокладывал дороги, мечтал в каждую хату провести тепло и газ да и из самой Полтавы конфетку сделать. То есть своей родной земле хотел послужить. А надо будет все это моему преемнику? Как знать. И я заупирался.

- Так, как только вы, наверное, можете!

- Прямым текстом сказал Щербицкому: ни под каким соусом в Москву не поеду, отговорите Леонида Ильича, иначе подведу вас, если на пленуме выступлю с самоотводом.

Вроде отстали от меня. Но за неделю до пленума по ВЧ позвонил Черненко. Константин Устинович, между прочим, совсем не тот человек, каким его многие представляют. Тряпка, дескать, безвольный старик. Таким его, должно быть, сделали после того, как избрали генеральным. Достаточно шприца - и генсек становится марионеткой в чьих-то руках. Подозреваю, что именно медицинское вмешательство сделало Брежнева пародией на Брежнева, а Черненко - на Черненко. Я же ответственно заявляю, что Константин Устинович был "орговиком" высочайшего класса.

Все региональные руководители стремились попасть на прием именно к нему. Потому что знали: если обратился к Черненко, вопрос будет решен, а необходимая документация оперативно пройдет все инстанции. Когда же вопрос был из разряда нерешаемых, Константин Устинович толково объяснял, в чем тут заковыка, и ты все равно получал удовлетворение от его ответа.

И когда он мне позвонил в связи с грядущим пленумом и готовящимся кадровым решением, я в очередной раз оценил его тактичность и деликатность. Константин Устинович напомнил мне, какое предложение намерен озвучить на пленуме Брежнев, однако Щербицкий сигнализировал, что я категорически против. Так ли это? Я пустился в долгие объяснения мотивов своего отказа, при этом Черненко внимательно слушал, задавая лишь уточняющие вопросы. По интонации его речи я чувствовал, что он меня понимает. И когда ехал в Москву, был совершенно уверенным в том, что моя кандидатура не "возникнет".

- Как же тогда возникла кандидатура Горбачева, если он в "списках не значился"?

- В качестве кандидатов рассматривались министр сельского хозяйства СССР В. Месяц, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК В. Карлов и первый секретарь Омского обкома партии С. Манякин. Все - многоопытные, достойные руководители. Пленум же, как известно, избрал Михаила Горбачева, которого активно протезировал Андропов.

- А если бы знать, кому уступите дорогу, как поступили бы?

- Согласился бы на должность, дабы не уступить, а, напротив, перейти дорогу этому человеку.

- Мне показалось, что вы не жалуете Андропова.

- Вот еще один стереотип, правда, иного порядка: "Ах, умница, порядок навел, стихи писал... Если бы он еще немножко поработал!.." Но именно под жестким нажимом этого человека Брежнев двинул войска в Афганистан. Именно его стараниями в

отношении уважаемых людей были сфальсифицированы коррупционные дела, громко объявленные явлениями "кунаевщины", "алиевщины", "рашидовщины". Я знал этих замечательных людей, они совершенно не заслужили такого подлого и циничного к себе отношения.

Думаю, объективная оценка исторических "заслуг" этого зловещего политика еще впереди.

- Федор Трофимович, теперь давайте расскажем читателям о том, как вас отблагодарил Михаил Сергеевич...

- Через десять лет меня таки "вытащили" на союзный уровень. Сопrotивлялся: мол, 66 лет не лучший возраст для столь ответственного назначения, умолял Щербицкого, Лигачева, того же Горбачева оставить меня в Полтаве. Но Михаил Сергеевич был непреклонен: "Природа гибнет, надо спасать. Ученые все за тебя. Мы во всем будем помогать". Так я стал председателем Госкомитета по охране природы. Не надолго, правда, на год с небольшим. Характер подвел. Атомную энергетику не поддерживал, проекты переброски рек. Но особенно раздражал неприятием глобальной госпрограммы по производству искусственного белка из парафинов нефти.

Сколько ни ездил по зарубежью, везде наводил справки о наличии подобной продукции и производств. Но нигде, ни в одной стране не нашел схожих разработок. Напротив, специалисты всюду меня убеждали, что это страшный, экологически вредный, к тому же разорительный проект. Между тем советское правительство намеревалось отвалить на него двадцать миллиардов рублей, и уже проектировались полтора десятка гигантских заводов.

И в июле 1989 года на расширенном заседании Совмина, рассматривавшем в числе важнейших этот вопрос, я выступил с критикой государственной программы. В частности, сказал, что Америка проблему белка решила соей, Европа - рапсом и подсолнечником, у нас же культивируются и соя, и подсолнечник, и рапс, и горох, и многолетние травы. Не лучше ли "парафиновые" миллиарды направить на укрепление материальной базы совхозов и

колхозов, под которые и "сверстать" программу?

- "Опарафинили", получается, Совмин?

- Ну да! Как на меня набросились министры и академики, профаном выставили. А на следующий день вызвали в Кремль, и Николай Иванович Рыжков предложил мне подать прошение об отставке. Что я и сделал.

Однако ушел на пенсию с гордо поднятой головой. За то время, что длилось оформление документов, руководство страны наконец осознало пагубность проекта. Когда я явился к Рыжкову сказать спасибо за совместную работу, он передо мной извинился. Сказал: "Федор Трофимович, простите, теперь я знаю, что вы правы".

...На пенсии Моргуну не посиделось. Увлёкся книжными "проектами". Попытались мы с ним сосчитать все изданное и сбились со счета. Самая свежая книга - "Руководители государств, не бойтесь быть святыми" - датирована сентябрем нынешнего года. А в 1995 году с заманчивым предложением - внедрять бесплужную технологию обработки почвы в Белгородской области - к нему обратился губернатор Евгений Савченко. Это предложение неисправимый "отказник", естественно, с готовностью принял. И еще шесть лет занимался любимым делом, начатым полвека назад на казахстанской целине.

Ветеран, получивший на фронте несколько тяжелых ранений, он и сейчас бодр и подвижен. Причем настолько, что полтавчане своего именитого земляка нынче используют в качестве "толкача" в переговорах по хлебопоставкам. Что ж, здоровое решение, ведь для нас, казахстанцев, Федор Трофимович тоже земляк. Договоримся.